УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
КОНСОРЦИУМ

Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 36–48
Humanities & Science University Journal. 2022. № 68. P. 36–48

Научная статья
УДК 821.161.1.09″19/20″
DOI:10.25807/22225064_2022_68_36

Усадебная жизнь Л. Н. Толстого в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого

Валерия Геннадьевна Андреева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Аннотация. В статье на материале «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого анализируется усадебная жизнь Л. Н. Толстого и его семьи в 1904–1910 гг. Ценность записок Маковицкого связана с тем, что они наряду с другими мемуарами восполняют значительный пробел, поскольку дневники и письма Толстого последних лет жизни не дают ясной картины усадебной жизни. Благодаря сопоставлению внешних фактов и событий, вниманию к ним самого писателя и его близких людей, а также сопоставлению их с нравственными оценками Толстого, в статье показывается сложное и противоречивое отношение писателя к усадебному быту, понимание им необходимости эволюции усадебных форм жизни в условиях нового времени. В статье поднимается проблема кризиса усадебной культуры начала XX в., описывается положение Ясной Поляны во время Первой русской революции на фоне других усадеб.
Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Д. П. Маковицкий, мемуары, Ясная Поляна, усадьба, земля, собственность, усадебная культура, Первая русская революция

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Original article

The Estate Life of L. N. Tolstoy in “Yasnaya Polyana Notes” by D. P. Makovicky

Valeria G. Andreeva
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Abstract. Based on D. P. Makovicky’s “Yasnaya Polyana Notes”, the article analyses the estate life of L. N. Tolstoy and his family in 1904–1910. The value of Makovicky’s notes is due to the fact that, along with other memoirs, they fill a significant gap, since Tolstoy’s diaries and letters of the last years of his life do not give a clear picture of estate life. By comparing external facts and events, paying attention to them by the writer himself and his close people, as well as comparing them with Tolstoy’s moral assessments, the article shows the writer’s complex and contradictory attitude to the estate life, his understanding of the need for the evolution of estate life forms in the conditions of the new time. The article raises the problem of the crisis of the estate culture of the early 20th century, describes the position of Yasnaya Polyana during the First Russian Revolution against the background of other estates.
Keywords: L. N. Tolstoy, D. P. Makovicky, memoirs, Yasnaya Polyana, estate, land, property, estate culture, First Russian Revolution

Acknowledgments: This work was supported in the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

© Андреева В. Г., 2022

Ценность мемуарной литературы не вызывает сомнений у исследователей, однако качество ее, степень достоверности воспоминаний могут быть очень разными. Мемуаров о Л. Н. Толстом, особенно о последнем периоде его жизни, достаточно много: это связано с огромной известностью писателя не только в России, но и за рубежом. Однако среди всех воспоминаний, относящихся уже к началу XX в., т. е. последнему десятилетию жизни писателя, встречается и немало досочиненных, приукрашенных — популярность Толстого была очень высока, и о нем, о жизни в Ясной Поляне складывали легенды.

В такой ситуации наиболее точными можно считать мемуары родных Толстого, а также его помощников, соратников и близких знакомых. Большую ценность в представлении усадебной жизни и быта Толстого и его семьи имеют «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого (1866–1921), личного врача писателя, жившего в Ясной Поляне с конца 1904 г. и неизменно бывшего рядом с Толстым вплоть до его кончины в 1910 г.

Как и воспоминания родственников Толстого, отчасти его секретарей (Н. Н. Гусева, В. Ф. Булгакова), записки Маковицкого позволяют взглянуть на усадебную жизнь изнутри: заметим, что даже секретари Толстого не пребывали настолько долго в Ясной Поляне и не были так много рядом с писателем, как Маковицкий. Его записки выгодно отличает возможность взгляда на семью Толстых со стороны и особая полнота. «О Толстом издано много воспоминаний, но большая часть из них писалась не непосредственно после встреч с Толстым, а значительно позднее. Записки Маковицкого, которые он вел изо дня в день, выгодно отличаются от дневниковых записей других современников из окружения Толстого исключительной, буквально стенографической полнотой» [1, с. 602].

Как и Чертков, Гусев, Булгаков, Маковицкий был человеком, беззаветно преданным Толстому и его делу, дорогим для писателя: «Толстой не раз повторял Маковицкому, что нуждается не столько в его медицинской помощи, сколько в его дружбе. Так понимал свою роль возле Толстого и сам Маковицкий. Он и лечил Толстого и помогал ему всем, чем только мог» [2, с. 42]. В отличие от молодых секретарей Толстого и его лучших друзей, подобных Гольденвейзеру, Маковицкий был постарше (кроме того, наложили свой отпечаток на трудолюбивого врача и непростая жизнь, и ежедневные тяготы). «Мы с Душаном Петровичем, чем старше становимся, тем лучше живется, тем больше сознаешь. Вы, Душан Петрович, не заметите, как год за годом пройдут и сразу почувствуете себя стариком. На моем веку русский народ из молодого стал старым», — говорил Толстой (29 апреля 1906 г.) [3]. Слова писателя во многом оказались пророческими, но драматический кризис Маковицкий пережил уже после смерти писателя: весной 1919 г. он заболел сыпным тифом, семнадцать месяцев был прикован к постели, перенес воспаление легких, воспаление почек, ишиас, экзему. Болезни подточили здоровье и силы врача, который после 1910 г. еще несколько лет жил в Ясной Поляне, женился на крестьянке М. К. Ореховой, ходившей за больным.

Несомненная ценность «Яснополянских записок» связана еще и с тем, что они восполняют значительный пробел, поскольку дневники и письма Толстого последних лет жизни не дают сколько-нибудь ясной картины усадебной жизни. В силу мировоззренческого перелома и возраста писатель

в своих записях уже не уделял большого внимания внешним событиям и происшествиям, а концентрировался исключительно на собственных ощущениях, связанных с болезнями и приближением смерти, на переживаниях и аспектах духовной жизни. «Был нездоров сердцем. Все проще и проще, естественнее и естественнее смерть…», — отмечает Толстой в дневнике от 3 апреля 1905 г. [4, т. 55, с. 131]. Все значительнее звучит в дневнике писателя желание уединенных размышлений, обособления от людей, хотя внешне он был окружен не только родными, но и множеством посетителей, гостей. «Нездоровье прошло, но осталась сердечная слабость. Сильные перебои. И хорошо. Очень серьезно хорошо. Странно, только теперь, когда я накануне смерти, я начинаю жить настоящею жизнью: для себя, для Бога, независимо от людей», — записывает Толстой 28 декабря 1906 г. [4, т. 55, с. 284]. Смерть дочери Марии только усилила это состояние.

С 1908 г. Маковицкий констатирует постепенное, но явное наступление для Толстого старости и определенного равнодушия к окружающему: «Л. Н. с осени заметно постарел, стал настоящим стариком. Безучастнее стал ко многому — например, к возвратившейся теперь Татьяне Львовне. У него теперь есть самостоятельная жизнь, особенная. Перестал многим интересоваться и стал многое забывать» (12 апреля 1908 г.) [3]. Однако нельзя сказать, что Толстой оказался изолированным от жизни, как раз наоборот: он принимал живейшее участие в обсуждении многих общественных и политических проблем. К примеру, Маковицкий отмечает, как 8 мая 1906 г. Толстой, гуляя с гостями и семьей, обсуждал наиболее животрепещущие темы, нашедшие далее реализацию в его публицистических статьях: «Главное лицо, с кем на этих прогулках разговаривал, был Бутурлин. Тема: современные общественные события, политическая борьба с правительством» [3]. Во время непродолжительных выездов писателя из имения он оказывался объектом всестороннего внимания людей, а Ясная Поляна стала усадебным центром, к которому стекалось множество посетителей.

Можно сказать, что по отношению к усадебной жизни в 1900-е гг. Толстой отчасти испытывал противоречивые чувства, однако они как-то совмещались для него в единое целое. С одной стороны, для писателя всегда была чрезвычайно важна идея рода, преемственности. Маковицкий пишет, что в Толстом было сильно почитание предков — их портретов, посаженного ими леса, сада… (30 октября 1904 г.) [3]. Дорожил Толстой воспоминаниями о собственном детстве в усадьбе, не раз вспоминал особенности быта и внешнего вида имения вместе с приезжавшей периодически сестрой М. Н. Толстой: «Мария Николаевна показывала, где стояла оранжерея; на том месте остановились. Л. Н. нравился вид отсюда, и он хотел здесь построить беседку» (10 июля 1905 г.) [3]. Для оставшихся в живых брата и сестры Толстых, уже находившихся в преклонном возрасте, усадебная жизнь неизменно связывалась с семейными историями, традициями и родными людьми. «Жутко мне думать о Пирогове без брата», — сказал Толстой сестре (31 июля 1905 г.) [3].

С другой стороны, в это время писатель все более категорично начинает относиться к собственности, отыскивает в своей жизни недопустимую роскошь, совестится перед крестьянами и слугами. «Говоря с Дориком о том, какая должна быть нравственная жизнь — без роскоши, без прислуги, не

богатая, а бедная, подумал, что надо бы объяснить ему, почему я не так живу. А потом подумал: зачем?» — записывает Толстой в дневнике 2 марта 1906 г. [4, т. 55, с. 202]. А внешние уличения в комфорте писатель переносил особенно болезненно: «Третьего дня получил письмо с упреками за мое богатство и лицемерие и угнетение крестьян, и, к стыду моему, мне больно. Нынче целый день грустно и стыдно» [4, т. 56, с. 132]. Вместе с этими полюсными настроениями — идеей сохранения и отречения — Толстой немало в 1900-е гг. рассуждает о месте человека в большой жизни и его способности влиять на ее течение. Маковицкий приводит эпизод, связанный с осмыслением роли личности писателем при рассуждении об усадебной теме (Толстой с единомышленниками в это время был в Пирогово): «Владимир Григорьевич спрашивал об этой усадьбе. Л. Н. вспомнил, что он выбирал место для нее, гулял здесь, увидел ключ и посоветовал тут посадить деревья, сделать аллеи. … Л. Н. говорил, что, *когда стар становишься, видишь огромный круговорот внешней жизни и какую ты маленькую роль играешь в нем*» (курсив мой. — *В. А.*) (8 августа 1906 г.) [3].

Как можно судить по мемуарам, записям самого Толстого, в Ясной Поляне достаточно спокойно относились к вещам, планируемым перестройкам: главную ценность составляли люди, все понимали, что новый этап жизни предполагал изменения. Так, Маковицкий повествует о перестройке бывшего кабинета Толстого: «Вчера и сегодня переносили шкапы из библиотеки снизу наверх, в комнату с большим окном к Чепыжу. Хотели этого Михаил Сергеевич и Андрей Львович, чтобы была свободная комната — спальня для гостей. Никто не протестовал против такого разрушения старого кабинета Л. Н., в котором он писал “Войну и мир” и даже “Анну Каренину”, где оставались портреты на стенах и письменный стол. Этот стол унесен, сняты им самим повешенные фотографии дорогих ему людей, фотография сестры Марии Николаевны, брата Сергея Николаевича, Диккенса, Шопенгауэра, его самого с Тургеневым, Григоровичем, Островским, Панаевым, унесен бюст брата Николая. Спилена и оставлена только тонкая часть той перекладины на перегородке комнаты, на которой Л. Н. хотел повеситься, когда не находил смысла жизни и отчаивался в личной жизни (28 апреля 1905 г.) [3].

Исследователи делают акцент на уходе Толстого из дома в конце октября 1910 г., однако вызван он был во многом преследованием писателя супругой и ее неусыпным, слишком ревностным и нездоровым контролем. Не менее важен факт жизни Толстого в Ясной Поляне на протяжении последних лет. Маковицкий записал слова М. Л. Толстой, которая вспоминала состояние отца в Крыму и констатировала, что Ясная Поляна вылечила писателя: «Здесь он чувствует себя очень хорошо. После Крыма посвежел здесь. Когда Лев Николаевич вернулся из Крыма в Ясную Поляну, сказал: “Я точно свою старую одежду надел”» (31 октября 1904 г.) [3].

В диалоге с младшим Вогюэ 14 февраля 1905 г. Толстой назвал автомобили и путешествия лишь средством от скуки, отметил, что счастлив жизнью в деревне: «Я, слава богу, живу в деревне. В большом городе не стал бы жить» [3]. Настоящая усадебная жизнь связывалась в представлении Толстого именно с жизнью у земли, с хозяйством. Оно необходимо было, по мнению писателя, отнюдь не для приобретения капитала и получения хорошего дохода за счет эксплуатации крестьян, наемной рабочей силы,

но для организации единственно правильной жизни человека. Маковицкий смог замечательно передать внимание Толстого к окружающей местности: «Л. Н. рассказывал, где он сегодня ездил по Засеке, около Провалов: “Там прекрасное озеро. Десятки тысяч десятин леса — нетронутые места. Сразу — чистое озеро, посреди — остров. Камыш. Местами земля проваливается, и появляются озерки”» (19 июня 1905 г.) [3]. Несмотря на тот факт, что владела и распоряжалась всей собственностью в это время уже С. А. Толстая, писатель постоянно оценивал состояние дел как в Ясной Поляне, так и в других имениях: «Хотя вы меня отговаривали, я все-таки поехал в Тулу и не очень устал. На ливенцовских полях косят второй клевер, хороший клевер. У него хорошо вспаханы поля. Лошади сытые. Все хозяйство хорошо ведется. Когда встречу приказчика, скажу ему комплимент» (24 августа 1905 г.) [3].

В беседах с родными и посетителями Толстой выходил к теме правильной жизни: в плане внешней организации она виделась писателю именно как усадебная, но в новом виде, когда хозяин оказывался не просто распорядителем, но первым тружеником. Толстой сам дорожил жизнью на земле и с радостью отмечал факты внимания окружающих к организации подобного бытия. «Совершенно ясно стало в последнее время, что род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга — библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главная ошибка при устройстве человеческих обществ… — та, что люди хотят устроить общество без земледельческой жизни…», — отметил Толстой 2 апреля 1906 г. [4, т. 55, с. 212].

Отношение к земле и земельный вопрос всегда волновали Толстого, даже Маковицкий приводит множество отрывков из диалогов писателя, посвященных землевладельцам и решению земельного вопроса. Проблема правильного хозяйства реализована не только в публицистике Толстого, в его объяснении справедливости идей Генри Джорджа, но и в художественных произведениях. О. А. Богданова справедливо отметила, что «русская классическая культура строила себя на фундаменте сверхличного русского национально-религиозного “предания”, с его полухристиански-полуязыческим культом земли, семьи, общины, с его многомерным мироощущением, несводимым к рациональным проекциям, с его живым чувством Божественного присутствия» [5, с. 38].

В романе «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов должен многое увидеть и испытать, чтобы в финале прийти к желанию новой жизненной формы — конечно, Толстому она мыслилась как усадебное бытие: «Несмотря на тот факт, что Нехлюдов становится «путешественником», не имеющим дома, но ощущающим неразрывную связь со всем народом, образ последнего в его сознании неизменно связан с усадебным прошлым, которое должно воскреснуть в новых формах» [6, с. 146]. Отмечая заблуждения помещиков, Толстой не считал идеальными и многие крестьянские хозяйства, он видел главную проблему — безземелье крестьян, но она сопровождалась и неготовностью многих мужиков к труду, к правильной обработке земли: «Русский народ не ведет интенсивного хозяйства, не обрабатывает вглубь землю, пока видит рядом со своей землей <огромные> пустующие земли Орловых-Давыдовых. Главные усилия его направлены на то, как бы полу-

чить эти земли. Он тогда начнет усерднее обрабатывать их, когда увидит, что прирезков не будет, что с этой земли, какая есть, должен существовать. Я знаю, как различно обрабатывают землю: в Новгородской губернии тщательно (снопы кладут на островья), на юге где-то снопы обивают над веретьем, прежде чем наложат на воз; в южной Франции выбирают колосья, из них средние зерна для посева; здесь — кое-как, а в Самарской молотят лошадьми так плохо, что бедные еще раз берутся молотить за 1/10 часть умолота» (23 ноября 1905 г.) [3].

Невзирая на болезни и недуги, Толстой постоянно находил в себе силы для общения с посетителями. И дневники писателя, и мемуары о нем полны замечаний об огромном количестве людей, пребывавших в Ясную Поляну с целью увидеть знаменитого писателя, пообщаться с ним, получить совет. Между тем Толстой очень уставал от скопления людей, хотя всегда трудное для себя общение оценивал как урок, испытание: «Бездна народа, и я устал от них. Но рад тому, что как появление письма, так и это неприятное скопление вызывает не неудовольствие, а поощрение к внутренней работе: поступить наилучшим образом по отношению к тому, что неприятно», — отмечает писатель в дневнике от 1 января 1905 г. [4, т. 55, с. 113]. Лаконичная запись следующего дня заставляет оценить тягу Толстого к спокойствию: «Здоровье лучше. Гости свалили. На душе радостно…» [4, т. 55, с. 114].

Ясная Поляна стала местом своеобразного «паломничества». Маковицкий рассказывает об очень разных визитах к Толстому как отдельных людей, так и целых делегаций. К примеру, 2 августа 1909 г. после осмотра казенного питомника недалеко от имения Толстых в Ясную Поляну пришли участники съезда лесничих, желавшие видеть писателя, но разочаровавшие Толстого своей пафосной речью: «Л. Н. стало неловко от такого официального, непростого, ненатурального приветствия, сказал тихо: “Благодарю”. Спросил, зачем сошлись и сколько их. И сейчас же, не побеседовав с ними ни одной минуты, простился…» [3].

Как-то после спора с отцом Л. Л. Толстой на прогулке сказал Маковицкому, «что он никогда не приезжал бы в Ясную, если бы здесь не было матери и Ясной Поляны» (22 июня 1905 г.) [3]. Однако Ясная Поляна как усадебный центр была средоточием идейной и нравственной работы только благодаря Толстому. Примечательно записанное Маковицким высказывание С. А. Стахович, которую любили и уважали в Ясной: «Она сразу заявила, что приехала только на полтора дня, что она будет слушать в Ясной Поляне, а не рассказывать» (13 апреля 1906 г.) [3].

Маковицкий отмечает, что посетители не смущали Толстых, что члены семьи и сам Толстой привыкли говорить при чужих даже о личном. Маковицкий отмечает полное отсутствие искусственности и жеманности в Толстых, их приветливость (18 февраля 1905 г.) [3]. В то время как Толстой часто отдыхал при отсутствии посетителей, С. А. Толстая, ценившая популярность мужа и его признание, даже начинала переживать, когда в усадьбе не было гостей. «Вчера Софья Андреевна говорила, что одиноко в Ясной, как никогда не было. Л. Н. потерял популярность, потому что не сочувствует ни правительству, ни революции» (18 апреля 1907 г.) [3].

В усадьбе Толстого всегда жили сдержанно, руководствуясь первостепенной необходимостью, чуждаясь излишеств. А в последнее десятилетие

жизни писатель и сам был чрезвычайно экономен, и родных призывал к бережливости. Не раз в семье вставал вопрос о необходимости четвертого блюда за обедом: Толстой ел к этому времени мало, а С. А. Толстая, конечно, по-хозяйски переживала о гостях.

Маковицкий отметил разговор Толстого с сыном А. Л. Толстым по поводу багажа — Толстой призывал сэкономить три рубля при сдаче багажа: «Три рубля — большие деньги» (29 января 1905 г.) [3]. Когда накануне Дня рождения Толстого А. Л. Толстая собиралась в Тулу, С. А. Толстая решила дать дочери поручение о приобретении шампанского к празднику. «На что шампанского, не надо, — возразил Толстой. — Лучше пять рублей старухе отдать». Бывшие рядом две дочери единодушно поддержали отца (25 августа 1905 г.) [3]. Однако на фоне общей экономии и бережливости настоящая усадебная жизнь не мыслима без благородства: соображения выгоды, личной необходимости, пользы всегда уступали место в жизни Толстых и их близких заботе о живом, искреннему и чуткому отношению к окружающему. Маковицкий вспоминал: «Есть у Оболенских старая, беззубая кобыла, варят ей похлебку; кормление обходится в 100 р. в год, а пользы от нее — никакой. Такая же лошадь, доживающая свой век, есть у Толстых в Ясной (11 сентября 1905 г.)» [3].

Писатель старался контролировать собственных детей, пытался направлять их на верный путь не стяжания, а умения обходиться малым. Когда на хуторе Т. Л. Толстой строили дом для П. А. Буланже, Толстой переживал, чтобы его не задумали слишком роскошным: «Л. Н. проявил негодование, что «девчонка» (т. е. Татьяна Львовна) может вздумать и заставить людей строить дворцы и что Павлу Александровичу они нужны». «Мне очень понятна досада Л. Н., — отмечает Маковицкий. — Ему, так упорно и последовательно мыслящему и ясно видящему, как люди должны и могут жить, всякие поблажки у близких людей непонятны и неприятны» (13 марта 1909 г.) [3].

«Яснополянские записки» Маковицкого — прекрасное свидетельство организации труда и отдыха, досуга в Ясной Поляне, которая стала своеобразным культурным центром, притягивавшим многих талантливых людей. Не будем подробно останавливаться на визитах писателей, художников и музыкантов к Толстому, отметим лишь несколько ярких замечаний Маковицкого. Жизнь в Ясной Поляне протекала достаточно размеренно, была организована с учетом распорядка Толстого, но при этом каждый из домочадцев находил себе занятие: «Сегодня опять ясный, теплый день. Софья Андреевна ходит около дома, смотрит клумбы — она любительница цветов; те, которые кажутся ей сухими, посыпает снегом. Сергей Львович сочиняет романсы за фортепьяно. Юлия Ивановна рисует обезьян. Лев Львович ездил верхом» (4 апреля 1906 г.) [3]. Все Толстые были очень музыкальны. Организацией домашних концертов в усадьбе занимался А. Б. Гольденвейзер, часто приезжавший к Толстому (то один, то захватывая других музыкантов): «С половины восьмого — концерт. Сперва соната Шуберта, потом три Вебера (третья — веселая, как славянско-венгерская), потом две Моцарта. Л. Н. хвалил: “Как хорошо!” и благодарил: “Какое удовольствие вы нам делаете!”» (25 марта 1905 г.) [3]. Маковицкий отмечает, что на Троицу устраивались песни и пляски.

В Ясной Поляне много читали, причем Толстой в это время часто игнорировал газеты. Особенно значимым было вечернее чтение вслух — читал или сам Толстой, или кто-либо из домашних. Как можно судить по следующим за чтением диалогам, их сопоставлению с текущей работой Толстого, писатель часто выбирал произведение или его отрывок с умыслом — узнать мнение родных, их впечатление (нередко он оставался и при своем убеждении, выслушивая разные оценки): «В три четверти девятого Л. Н. вышел из кабинета в залу и прочел вслух отрывок из “Братьев Карамазовых” — “Поединок”. Читает он как великий художник. Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень растроган. Лицо в морщинах, усталый; сидел, погруженный в размышления, молчал. Последовали замечания на прочитанное…» (8 апреля 1905 г.) [3].

Достаточно размеренная жизнь в Ясной Поляне располагала к игре в шахматы: Толстой играл с зятем М. С. Сухотиным и А. Б. Гольденвейзером. Распорядок дня Толстого в последние годы жизни был организован несколько иначе, нежели ранее, когда писатель обладал еще запасом сил и здоровья. Если раньше Толстой работал вечерами, то в 1900-е гг. он уже не мог в поздние часы писать, больше читал или беседовал с домашними. Немалое количество времени уделялось изучению приходящих писем и ответам на них, Толстой даже жертвовал утренним чтением, чтобы успеть ответить корреспондентам (причем в этой работе ему помогали секретари).

Вплоть до 1908 г. писатель находил силы на занятия с крестьянскими детьми, а просьбы посетителей, которые Толстой считал уместными, он старался исполнять сам. Маковицкий пишет об услужливости Толстого: «Ему, часто усталому, приходится за ними ходить иногда по нескольку раз на второй этаж. Каждого в каждой мелочи старается удовлетворить» (4 сентября 1907 г.) [3]; «Л. Н. с 6.45 до половины 8-го учил 12 мальчиков. <…> После урока Л. Н. сам, как ни трудно это ему было, доставал книжки для чтения, свои рассказы, раздавал им. Сам откупоривал кефир (который четвертый день пьет) — не любит утруждать других. И энергия, воспитанная им в себе, видна из этого» (23 февраля 1907 г.) [3].

Любовь и привязанность Толстого к земле, растениям, цветам проявлялась очень наглядно в его жизни. Приведем в пример лишь несколько наблюдений Маковицкого: «Сейчас, в 9.30 утра 14 июня, Л. Н. в кожане (каждый день дождь, ливни) собирает цветы в парке перед домом (14 июня 1909 г.) [3]; Несколько дней очень жарких, июльских. Косят и возят рожь. Л. Н. ездил с Александрой Львовной в лес верхом. Л. Н.: Я всегда чувствую, когда езжу по лесу, чувство самое христианское: желаю другим наслаждаться природой и жалею, что мы одни наслаждаемся этим: чаща, тишина» (12 августа 1909 г.) [3]. Конечно, эта любовь к природе обусловливала многие описания и в художественных произведениях писателя. Н. Л. Вершинина отмечает особенность, явленную именно в усадебном тексте: «Здесь природное начало выступает камертоном “натуральности” жизненного поведения — все, идущее вразрез с органикой бытия, понимается как странное и неуместное, содержащее фальшь, не восполняемое регламентациями искусственной упорядоченности» [7, с. 123].

Толстой не находился безвыездно усадьбе: помимо поездок в Москву, ставших достаточно редкими, писатель бывал в Туле. Привычка к дви-

жению и необходимость общения с природой побуждала его совершать длительные прогулки верхом, пешие прогулки, во время которых писатель уезжал или уходил нередко очень далеко: «Л. Н. пожалел лошадей Делира и Кабардинца, велел их расковать и пустить в табун, а сам гуляет ежедневно пешком по два — два с половиной часа (от 2 или 2.30 до 4 или 5). До сих пор же один день ходил пешком, а другой — ездил верхом. Сегодня до того устал, что после прогулки пролежал до 7 часов» (28 апреля 1906 г.) [3].

Однако при существовании какого-либо дела Толстой откладывал прогулки: им всегда двигало в первую очередь стремление помочь людям. «Л. Н. много работал. Пополудни ездил один на санях на Лучшем в Ясенки на почту за заказным письмом с дубликатом накладной на пальто Гусева и с этим дубликатом на станцию Щекино за вещами (пальто) Гусева. Было ему холодно, и была небольшая метель, темнело (в 5 часов), и Лучший сбивался с дороги. Л. Н. ездил один, чтобы не утруждать кучера, а я думаю, он охотнее погулял бы. Давно мне следовало эти вещи привезти», — отмечает Маковицкий 9 ноября 1907 г. [3]. Вспоминает он также, к примеру, как они с Толстым были на заседании Московской судебной палаты в Туле, куда писатель отправился, чтобы защитить крестьян, «своим присутствием заставить судей добросовестнее вникнуть в дело, а не формально отнестись к нему» (16 января 1910 г.) [3].

Всегда переживал и старался вмешаться с процесс Толстой в том случае, когда речь шла о нередко необоснованно строгом государственном наказании. Исследователи творчества писателя отмечают, что «верный своей антигосударственной позиции, Толстой продолжал столь же энергично обличать произвол и лицемерие, порой даже сознательно усиливал выпады, так, сделал вставку в статью “Христианство и смертная казнь” с надеждой вызвать против себя гонения и наконец-то пострадать, попасть не посетителем, собирающим материалы для произведения, а арестантом в тюрьму, быть судимым и ссыльным» [8, с. 668]. Между тем в связи с огромной известностью Толстого власти не решались заводить какие-либо дела в отношении него, зато помощникам и секретарям Толстого «доставалось», в частности за запрещенную литературу.

Как Толстой был в определенной неприкосновенности для властей, так и Ясная Поляна находилась на особом положении среди всех других усадеб, особенно хорошо это было заметно в годы Первой русской революции. В. Ф. Асмус отметил, что «время, когда Маковицкий поселяется в яснополянской усадьбе и начинает вести свои беспримерные записи о днях и трудах великого писателя, было нелегким для России, для Ясной Поляны и для самого Толстого. Шла злосчастная русско-японская война, начиналась первая русская революция» [9, с. 11]. Толстой пытался не погружаться в политические новости и события, однако не мог сторониться от жизни, прежде всего, он призывал каждого к игнорированию борьбы. «Вообще легкомыслие людей, творящих эту революцию, удивительно и отвратительно: ребячество без детской невинности. Я себе и всем говорю, что главное дело теперь каждого человека — смотреть за собой, строго относиться к каждому поступку, не участвовать в борьбе. А возможно это только человеку, относящемуся религиозно к своей жизни», — пишет Толстой в дневнике 23 октября 1905 г. [4, т. 55, с. 167–168]. Писатель с сожалением констатировал, что дворянство и крестьянство поменялись

ролями, передав друг другу жестокость, жадность и противопоставленное им самоотвержение. Чувство ответственности за благополучие и спокойствие семьи, проживающей в усадьбе, в это время сложно совмещается в Толстом с наблюдением за жизненными контрастами, которые отражались и в его художественных произведениях. Маковицкий описывает, как «вечером за чаем Л. Н. читал вслух ответ лакею (“Опрокинутую телегу”) и “Ягоды”», писатель подчеркивал противопоставление крестьянской трудной, осмысленной жизни и праздной господской (13 июня 1905 г.) [3]. Совесть Толстого болела не только за ситуацию в Ясной Поляне, но и за всех помещиков, не осознающих новых условий и необходимости построения иных взаимоотношений с работниками. И чем больше несправедливостей видел Толстой со стороны других помещиков, тем обиднее и тяжелее ему было слышать о притеснениях крестьян в собственной усадьбе. 3 июля 1908 г. Толстой записывает в тайном дневнике: «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание. То Грумондские мужики в остроге, то стражники, то старик В. Суворов, который говорит: “Грешно, граф, ох грешно, графиня обидела”» [4, т. 56, с. 172].

В ситуации угрозы нападения на Ясную Поляну Толстой, в отличие от членов его семьи, был достаточно спокоен. Между тем настроения его домочадцев были тревожными. Маковицкий рассказывает о том, как по пути в амбулаторию А. Л. Толстая сказала ему, указывая на березы: «На этих березах будут нас вешать. В Туле 12000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что́ они будут делать! Ужас!» (10 января 1905 г.) [3].

В течение июня–июля 1905 г. С. А. Толстая не раз упоминала про многочисленные прокламации с угрозами: «На станции разбросали прокламации, что сожгут усадьбу Толстого и всех дачников» (18 июня 1905 г.) [3]; «…на станции Засека были разбросаны листки, чтобы крестьяне свозили урожай себе, иначе Ясную Поляну сожгут, и что 29 июня подожгут усадьбу и дачу» (21 июня 1905 г.) [3]. 5 июля 1905 г. А. Л. Толстая сообщала, что по слухам мужики планируют угнать скот из усадьбы Телятинки (эту усадьбу А. Л. Толстая купила у соседки-помещицы А. Е. Звегинцевой, а потом ее перекупил В. Г. Чертков). Практически во всех случаях поджога имений местные крестьяне действовали не самостоятельно, а под предводительством городских зачинщиков.

Известия о происшествиях и погромах в различных усадьбах раздавались в Ясной Поляне достаточно часто. Приказчик Толстых, побывавший в Туле, сообщал, что там ходят слухи об укрытии в Ясной Поляне социалистов, поэтому мужики собираются бить и грабить усадьбу. А. Л. Толстой привез известия о том, что у Строганова перерезали жеребцов, а А. Л. Толстая съездила к соседке Звегинцевой, которая рассказала ей о волнениях в Тамбовской губернии (где у нее также были имения). Маковицкий описал взволнованный рассказ А. Л. Толстой о действиях Звегинцевой, предпринимаемых для сохранения усадьбы (такое поведение было характерно для многих помещиков): «Продает всю скотину, отпустила садовника и дворню, кроме дворового старосты. Ему велела в случае надобности отдать землю крестьянам, лишь бы не трогали усадьбы. Капиталы перевела за границу, сама уезжает туда же» (20 ноября 1905 г.) [3].

Не менее страшные новости про недавнее сожжение их жилого дома в Пальне привезла С. А. Стахович. Как можно понять из ее рассказа, речь шла не только о больших материальных потерях, но и об утрате культурных ценностей: «Сгорело все; дом деревянный. Жаль, главное, картин Репина, картин, лошадей, гравюры…». С. А. Стахович переживала далее о поджоге конного завода и покушении на жизнь управляющего (3 июня 1907 г.).

5 сентября 1907 г. забастовали и яснополянские крестьяне: выпускали лошадей из усадебных конюшен. В такой обстановке С. А. Толстая решила действовать, телеграммой у губернатора просили стражников, присланных в Ясную Поляну. В связи с возможными грабежами С. А. Толстая отвезла в музей серебро и ценности, А. Л. Толстой заказал внутренние ставни для дома. Писатель был недоволен появлением стражников, начавших контролировать крестьян, но Толстому легче было смириться.

В Ясной Поляне получили и несколько письменных телеграмм-угроз: «Сегодня получена телеграмма из Подольска: “Ждите гостя. Гончаров”. Софья Андреевна, Татьяна Андреевна, Татьяна Львовна уверены, что это предостережение, что хотят сжечь — или убить кого-нибудь в Ясной» (5 октября 1907 г.) [3].

М. С. Сухотин рассказывал, как в их уезде студент, сын помещика-адмирала, уговаривал крестьян «выкуривать» помещиков, и сразу всех. Но при сообщении неприятных и тревожных вестей М. С. Сухотин, обладавший прекрасным чувством юмора, про Ясную Поляну говорил отдельно, выделяя ее как особое, спокойное место, противопоставленное всему пространству столкновений: «Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги» (20 августа 1905 г.) [3].

Толстой внимательно следил за поступающими новостями, близкие удивлялись его спокойствию, а разгадка была проста: писатель в гораздо большей степени жил духовной жизнью, нежели внешними событиями, которые приобретали неимоверное значение для окружающих.

В конкретных ситуациях противостояния С. А. Толстой и мужиков Толстой нередко занимал сторону последних, осмысляя их крестьянскую психологию и возможные причины, побудившие мужиков на воровство. Так, Маковицкий рассказывает, что Толстой и А. Л. Толстая старались с наименьшими сложностями для крестьян решить случай с вырубкой дубов. Дело дошло до суда, и крестьяне были приговорены к месячному заключению: В. Г. Чертков и А. Л. Толстая пытались откупить крестьян, предлагая им деньги непосредственно для С. А. Толстой, которая не понимала глубинные основы кражи дубов, а писатель, по всей видимости, усматривал ее в отношении мужиков к имуществу рукотворному и нерукотворному. Для понимания психологии мужиков уместно привести цитату из статьи И. В. Скрябина об имущественных преступлениях в крестьянской среде: «Государственный закон однозначно запрещал воровство и сурово наказывал за него — от порки розгами до ссылки. В целом деревня была настроена отрицательно по отношению к нечистым на руку крестьянам. … В то же время при таком неодобрительном отношении к воровству любой селянин мой спокойно заскочить в ближайший лес и срубить без дозволения все, что ему было необходимо для своего хозяйства. Согласно своим

правовым воззрениям общинники это противоречие объясняли просто: не является собственностью то, к чему не приложен труд. “Лесная порубка не является грехом”, — писали корреспонденты из Одоевского уезда Тульской губернии» [10, с. 19–20].

Толстой говорил, что причиной борьбы внутри страны выступали злоба и зависть, призывал употреблять все силы на искоренение этих негативных явлений и верил, что наступивший кризис преодолим усилиями людей, духовно прозревающих и осознающих глубинные смыслы жизни и ценность веры. Между тем прав В. А. Фатеев, отметивший своеобразный парадокс, вызванный толстовской идеей непротивления, но на деле означавшей неповиновение: «…Толстой не желал заметить, что носители “зла” в его учении и в прокламациях революционеров были схожи. И чем отчетливее слышался гул приближающихся революционных битв, тем настойчивее он выступал с проповедью непротивления злу насилием. Толстой призывал “одуматься”, “опомниться”, имея в виду сторонников революционного насилия... Только парадокс заключался в том, что чем громче кричал Толстой о “непротивлении”, тем сильнее звучали в его речах призывы к недовольству и неповиновению» [11, с. 339–340].

Кроме Ясной Поляны Толстой в 1900-е гг. бывал в гостях и проездом в других имениях. По приглашению Матвеевых ездил в усадьбу Очкасово, но, несмотря на простор и чистоту, Толстого оттолкнул винокуренный завод и главное, что сразу же настроило писателя негативно — отличие в жизни господ и мужиков: «Л. Н. заметил, что здесь (в этом крае) “царство господское” и особенное нищенство крестьян» (31 августа 1910 г.) [3].

Особенно хорошо писатель чувствовал себя в имении Кочеты, принадлежавшем Сухотиным. Т. Л. Толстая, зная мысли и настроения отца, часто совестилась того, что она является хозяйкой роскошного старинного имения, в то время как вокруг столько бедных людей. Однако Т. Л. Толстую морально спасал тот факт, что это было имение ее мужа. В Кочетах Толстой, как отмечает Маковицкий, мог отдохнуть и от пристального внимания супруги, и от постоянных посетителей: «Л. Н-чу очень хорошо здесь живется. Хвалил, как ему хорошо работается. Утром прогулки по дорожкам к целебной воде, к дубам (тройному и одиноким — огромным), где ни души не встречает. … Л. Н. ежедневно беседует, посещая мужиков или на их работах в имении, или же разъезжая по их деревням (30 июня 1909 г.) [3].

Таким образом, «Яснополянские записки» Маковицкого можно считать одним из важнейших источников информации об усадебной жизни Ясной Поляны в 1904–1910 гг. Благодаря сопоставлению внешних фактов и событий, отношения к ним самого писателя и его близких людей, а также сопоставлению их с нравственными оценками, которые даны в дневниках Толстого, мы попытались показать сложные и подчас противоречивые взгляды писателя на усадебный быт, понимание им необходимости эволюции усадебных форм жизни в условиях нового времени. Одной из приоритетных для возрождения России Толстой считал усадебную жизнь деревенского типа, на земле, наиболее приемлемую для преображения человека, его неустанного труда и духовного роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Колафа С.* Материалы о Толстом в Чехословакии: пражский архив Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. 1965. Т. 75. С. 593–607.

2. *Колафа С.* Д. П. Маковицкий: Биографический очерк // Литературное наследство. 1979. Т. 90. С. 32–49.

3. *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm

4. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

5. *Богданова О. А.* «Усадебная культура» как основа русской классической литературы XIX века // Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 30–44.

6. *Андреева В. Г.* Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 144–154.

7. *Вершинина Н. Л.* Функция «порядка» в онтологии усадебного текста XVIII–XIX веков // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 120–134.

8. *Зверев А. М., Туниманов В. А.* Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. 782 с.

9. *Асмус В. Ф.* Толстой в дневнике Маковицкого: Эпоха. Мировоззрение. Быт // Литературное наследство. 1979. Т. 90. С. 11–31.

10. *Скрябин И. В.* Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии) // Правовая культура. 2018. № 2 (33). С. 16–23.

11. *Фатеев В. А.* Лев Толстой и революция: «религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 325–344.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 02.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 02.06.2022.

Информация об авторе:
В. Г. Андреева — доктор филологических наук, профессор Отдела русской классической литературы РАН.

Information about the Author:
V. G. Andreeva — Doctor of Sciences (Philology), professor at the Department of Russian Classical Literature of the Russian Academy of Sciences.